

ТРИ ВОЗРАСТА ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Гросу Ю. В., Кузьменко В. А.

Харьковская государственная академия дизайна и искусств

Аннотация. Статья посвящена жизни и творчеству женщины, имя которой на века – Прекрасная Дама, она же Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок.

Ключевые слова: образ Прекрасной Дамы, А. Блок, мемуары, творчество, классический танец.

Анотация. Гросу Ю. В., Кузьменко В. О. Три віки Прекрасної Дами. Стаття присвячена життю і творчості жінки, ім'я якої на століття – Прекрасна Дама, вона ж Любов Дмитрівна Менделєєва-Блок.

Ключові слова: образ Прекрасної Дами, О. Блок, мемуари, творчість, класичний танок.

Annotation. Grosu Yu. V., Kuzmenko V. A. Three ages of Beautiful Lady. The article is devoted to life and creation of women, which whole epochs wears the name – Beautiful Lady.

Key words: image of Beautiful Lady, A. Blok, memoirs, creation, classic dance.

Постановка проблемы. Многие знают, что Любовь Дмитриевна Блок – это жена русского поэта А. Блока и дочь ученого с мировым именем Д. И. Менделеева, а также Прекрасная Дама, чей образ А. Блок воплотил в своих стихах. А ведь она еще и актриса, мемуарист, историк, идеолог балета.

В последнее время появляется все больше статей, в которых личность Любови Дмитриевны [далее: Л. Д. – авт.] рассматривается самостоятельно. Советская критика, блоковеды, литературоведы, исследователи русского символизма и культуры начала XX века обращались к Л. Д. в основном в сопоставлении с биографией и творчеством ее мужа. Обойти стороной жену поэта, центральный персонаж многих его произведений, было невозможно.

Самым значительным источником биографических сведений о Блоке были воспоминания его тетки Марии Бекетовой, изданные в 1922 году – через год после смерти поэта. Ее так и величали – «семейный биограф». В книге, естественно, имеется и много данных об Л. Д. Однако все это, наряду с другими подобными программными биографиями, является уже чьей-то интерпретацией личности героев такого произведения.

Мы пытаемся обратиться к личности Л. Д. через написанное ею в 1929 г. мемуарное произведение «И были и небылицы об Александре Блоке и о себе». Читая известные фрагменты ее мемуаров, нельзя не отметить красоту образов, сторойность слога Л. Д.: «Мы были еще в мире того разговора и было не страшно, когда прямо перед нами в широком небосводе медленно прочертил путь большой, сияющий голубизной метеор. «И вдруг звезда полночная упала»... Перед природой, перед ее жизнью и участием в судьбах мы с Блоком, как оказалось потом, дышали одним дыханием. Эта голубая «звезда полночная» сказала все, что не было сказано. Пускай «ответ немел», – «дитя Офелия» и не умела сказать ничего о том, что просияло мгновенно и перед взором и в сердцах. Даже руки наши не встретились и смотрели мы прямо перед собой.

И было нам шестнадцать и семнадцать лет» [1]. Описаниям интимных сцен может позавидовать любой автор столь популярных в последнее десятилетие любовных романов. Впечатляет и смелость, и честность. Но интересно, в первую очередь, другое. Л. Д. часто обращается к читателям, критикам, будто знает их лично. Читатель ее произведения – это не ее современники, которые в каждой строчке видят отступление от шаблона, или просто боятся этого. Ее читатель – человек широких взглядов, умеет анализировать, сопоставлять, читать и строки, и между строк. Ее читатели – не «доценты», которые будут использовать «И были и небылицы» лишь как библиографический источник для диссертации по исследованию творчества Блока. А критиков она вообще поставила на место: «Критики меня смешат: через шестнадцать лет после смерти Блока, через тридцать с лишком лет после первого десятилетия деятельности, конечно – возьми его книжки, читай, и если ты не вовсе дурак, поймешь из пятого в десятое о чем они, какой ход мыслей от одного этапа к другому, к настроениям и идеологии каких социальных или литературных группировок можно эти мысли отнести. Критик и думает, рассказав эти свои наблюдения, что он что-то сообщит или узнает о творчестве Блока. Как бы не так! Уж очень это простенько, товарищ критик, уж очень «гимназист VIII класса»! ... А вы попробуйте перенестись в конец девяностых годов, когда Блок уже писал «Стихи о прекрасной даме», конечно, не подозревая, что он что-либо подобное пишет. Ловит слухом и записывает то, что поется около него, в нем ли – он не знает» [1].

Похоже, Л. Д. была права. «И были и небылицы...» на многие десятки лет опередили свое время. Она пишет, что сознательно избирает мужественный, немного демонический, «фаустовский» путь. Будучи женой, а потом и вдовой Блока, она, как никто другой, имеет право описывать и Поэта, и их отношения такими, какими они были на самом деле.

Изложение основного материала. Приступая к исследованию личности Л. Блок, хочется сразу отметить, что, вороша прошлое, мы, потомки, берем на себя ответственность и за вторжение в чужие судьбы, и за суждения, и за оценки. Уже притчей стали слова Анны Ахматовой, произнесенные после выхода «И былей и небылиц...»: «Тебя любили Блок и Белый, лучше промолчи». Затем она апеллирует к Любови Александровне Дельмас, бывшей в свое время возлюбленной Блока. Дельмас, та промолчала. А многое ли могла рассказать Дельмас? Да, у них с Блоком был роман, бурный, но недолгий. Любовь Дмитриевна же была женой поэта целых 18 лет. Здесь следует отметить, что сама Анна Ахматова также же была женой известного поэта Н. С. Гумилева, и Пунина... Это не мешало ей иметь романы с Артуром Лурье, профессором Гаршиным... Известные все лица... Стоило ли об этом упоминать? Может, и нет. Однако ее знаменитые строки: «Я научила женщин говорить, Но как их замолчать заставить...» говорят сами за себя.

В биографии Л. Д. до сих пор остается много «белых пятен». Тем не менее, известное видится разделенным нам на три условных, а скорее символических

периода – возраста Прекрасной Дамы. Даты ее жизни: 1981 (1982) – 1939 гг. Первый возраст – от рождения и до совершеннолетия составляет 21 год, брак с Блоком длился 18 лет: 1903-1921 г., ровно столько же Любовь Дмитриевна прожила после его смерти.

Обратимся к первому периоду. Любовь Блок – урожденная Менделеева – дочь всемирно известного ученого Д. И. Менделеева (1834-1907).

Ее отец, Дмитрий Иванович Менделеев родился в многодетной и религиозной семье. Отец Дмитрия Ивановича, И. П. Менделеев (урожд. Соколов), – сын священника, заведовал гимназиями и училищами Тобольского округа. Его мать Мария Дмитриевна – потомок обедневшего купеческого рода Корнильевых – после трагедии, случившейся с мужем (он ослеп и вскоре умер), фактически стала главой и кормильцем большой семьи, успевала одновременно и вести небольшой стеклянный завод, доставлявший (вместе со скудной пенсией) более чем скромные средства к существованию, и заботиться о детях, которым дала прекрасное по тому времени образование. Именно в младшем сыне, Дмитрии, она угадала недюжинный ум и необыкновенные способности.

В семье Менделеевых – Корнильевых женщины всегда были незаурядны, сильны духом. Ольга, старшая сестра Д. И. Менделеева, вышла замуж за декабриста Н. Басаргина, провела много лет в ссылке с мужем, помогала декабристам на поприще культурного развития Сибирского края. Еще одна тетьа Любви Дмитриевны – Аполлинария Менделеева. По воспоминаниям близких, ее вера и нравственные принципы поднимались до святости. Сама имея очень мало, она все, что зарабатывала шитьем, отдавала тем, кто нуждался больше нее, шла к больным в любую погоду, даже когда уже сама была больна.. Наверное, эта сила духа и лучшие качества женщин рода передались и Л. Д.

За свою жизнь Д. И. Менделеев дважды был женат. Первый брак с Феозвой Никитичной Лещевой был неудачным. Хотя от этого брака у Д. И. Менделеева было двое детей – Владимир и Ольга. Супруги совершенно не подходили друг другу. На пятом десятке лет он встретил Анну Попову, юную и подающую надежды художницу, ровесницу своей дочери. Это был как раз тот случай, когда сила любви преодолевает все преграды. Долгое время церковники запрещали Менделееву повторно жениться. 17 апреля 1881 г. Анна Попова и Дмитрий Иванович Менделеев родили первенца – девочку, имя которой дали Любовь... По сути, ребенок был незаконнорожденным, ведь ее родители смогли сочетаться законным браком только в 1882 г., в том же году девочку окрестили и, благодаря весу Менделеева в обществе, Любу записали законнорожденной, будто бы 1882 г. и был годом ее рождения: «Мне казалось, – пишет Л. Д. не без доли женского кокетства, – мое положение привилегированным: «дитя любви», даже имя – Любовь – все это вырывало меня из буден, что мне было в ту пору очень ко двору. Но годик-то я с удовольствием скостила» [1]. Позже у Менделеева родились младшие дети: сын Иван и близнецы Мария и Василий.

Росла Л. Д. прямо-таки в «хрестоматийном» окружении. Многие годы в доме отца проводились «менделеевские среды» – регулярные собрания людей искусства и науки. На них бывали художники И. Н. Крамской, И. Е. Репин, Н. А. Ярошенко, В. Е. Маковский, М. П. Клодт, В. М. Максимов, А. М. и В. М. Васнецовы, В. И. Суриков, И. И. Шишкин, А. И. Куинджи, М. А. Врубель и В. В. Верещагин; ученые А. Н. Бекетов, Н. П. Вагнер, А. И. Воейков, К. А. Тимирязев, В. В. Докучаев, И. М. Сеченов, П. А. Костычев, Боткины... В бобловской усадьбе несколько раз бывал изобретатель радио А. А. Попов, который однажды демонстрировал семье Менделеевых свое изобретение в действии: он провел сеанс радиосвязи с Бобловым из соседних Бабаек.

Все дети Д. И. Менделеева получили прекрасное образование. Л. Д., в частности, окончила Высшие женские курсы, где изучала историю, филологию, философию, психологию. Она много читала, любила музыку и прекрасно разбиралась в искусстве. Также брала уроки актерского мастерства у известного педагога М. Читау, которая прочила Л. Д. блестящее будущее на сцене в амплу молодых «бытовых» актрис. Кстати, театр занимал немаловажное место в семье Менделеевых. В их имении в Боблово периодически устраивались домашние постановки, в которых принимали участие и члены семьи, и гости. Самыми известными спектаклями, пожалуй, были «Гамлет», где Л. Д. играла Офелию, а принца Датского – начинающий поэт А. Блок, также «Горе от ума» (Л. Д. – Софья, А. Блок – Чацкий).

Именно тогда между ними начало зарождаться большое чувство. После оба уехали учиться в Петербург, где продолжали встречаться. В то время А. Блок в какой-то мере находился под влиянием философии Вл. Соловьева о Вечной женственности. Возможно, после драматической развязки отношений с первой любовью, Ксенией Садовской, женщиной бывшей намного старше Блока, именно юная Люба Менделеева для него воплотила в себе черты возлюбленной другого типа – «Неземной». Так Л. Д. стала Прекрасной Дамой.

Скорее всего, Любови Менделеевой, как и всякой молодой девушке, да еще робкой по своей природе, льстило такое изысканное внимание к своей персоне. Но, увлекаясь театром, она понимала, что Прекрасная Дама – это образ, персонаж, роль. Понимала и «громадность» этой роли, и то, что она «совершенно не подходила для нее». Они несколько раз разрывали отношения. Однако благодаря своему женскому чутью и душевной щедрости Л. Д., в конце концов, ответила согласием на предложение А. Блока. И кстати... Ведь поэт на случай отказа уже заготовил предсмертную записку. Здесь, в своем первом периоде жизни она, наверное, спасла Блока впервые.

Но супружеская жизнь с Блоком (с 1903 г.) для нее началась трагически, как сама она писала в мемуарах: «И я решаюсь говорить о тех трудностях и сложностях, которые встали перед моей коренной неосведомленностью в делах жизни, в делах любви. ... Он сейчас же принялся теоретизировать о том, что нам и не надо физической близости, что это «астартизм», «темное» и Бог

знает еще что» [1]. Наделив жену чертами неземной Возлюбленной (сборник стихов о Прекрасной Даме), он не воспринимал ее как земную женщину с ее обычными земными потребностями: «Когда я ему говорила о том, что я-то люблю весь этот еще неведомый мне мир, что я хочу его – опять теории: такие отношения не могут быть длительны, все равно он неизбежно уйдет от меня к другим. ... Отвергнута, не будучи еще женой, на корню убита основная вера всякой девушки в незыблемость, единственность» [1]. Была короткая вспышка чувственного увлечения, но она лишь убедила Блока в своей теории.

В 1904 году А. Блок знакомит свою жену с молодыми символистами Сергеем Соловьевым и Андреем Белым (литературный псевдоним Бориса Бугаева), которые уже были заочно влюблены в нее, как в Прекрасную Даму. Скорее угадывая, что в семье Блоков не все в порядке, Белый сначала для того, чтобы друг опомнился, начинает ухаживать за Л. Д. Потом влюбляется всерьез. Долгое время исследователи приписывали Л. Д. Блок и А. Белому любовную связь. Об истинном положении вещей мы можем прочесть в мемуарах. Л. Д. была близка к измене. Белый даже хотел продать свое поместье и за вырученные деньги бежать с любимой хоть на край света. Решительный отказ Л. Д. нанес ему глубокую душевную рану. «Но тут вся беда была в том, что равный Саше (так все считали в то время) полюбил меня той самой любовью, о которой я тосковала, которую ждала, которую считала своей стихией ... Андрей Белый, который был в те времена авторитет и для Саши, которого мы всей семьей глубоко уважали, признавая тонкость его чувств и верность в их анализе. Да, уйти с ним это была бы действительно измена» [1]. В отчаянии Белый идет на крайние меры – вызывает законного мужа своей возлюбленной на дуэль. И только активное вмешательство Л. Д. предотвратило трагическую развязку их отношений: «Саша, как всегда, спокоен и охотно идет навстречу всему худшему – это уж его специальность. Но я решила взять дело в свои руки и повернуть все по-своему, не успели мы еще подняться на балкон. Встречаю Кобылинского [секунданта – авт.] непринужденно и весело, радушной хозяйкой. ... Ну, а за обедом уж было пустяшным делом пустить в ход улыбки и «очей немые разговоры» – к этому времени я хорошо научилась ими владеть и знала их действие. К концу обеда мой Лев Львович сидел уже совсем прирученный, и весь вопрос о дуэли был решен... за чаем» [1]. Конечно, трагедии могло не случиться, и оба остались бы живы. Но похожая ситуация была описана А. Бестужевым-Марлинским в повести «Роман в семи письмах»: «Я убил его, убил этого благородного, великодушного человека! ... В забвении стоял я над хладным трупом [...] и напрасно припоминал, за что убил его. Я чувствовал свое преступление и не находил ему вины, и напрасно искал извинения в своей страсти – она как будто развеялась с выстрелом, будто застыла в крови соперника. Мне казалось, что я убил лучшего друга, любимейшего брата...» [7]

Это было второе спасение Блока Прекрасной Дамой, а может быть и Белого, или сразу обоих.

После этих событий Л. Д. с головой окунулась в театральную-гастрольную жизнь. Ее яркая жизнелюбивая натура требовала своего выражения. Театру актриса Любовь Басаргина (творческий псевдоним Л. Д., который она взяла в честь тетки, бывшей замужем за декабристом Н. В. Басаргиным) отдавала себя полностью. Часто ездила на гастроли: Псков, Оренбург, Украина... С мужем не прекращалась переписка. Они скучали друг без друга, тем не менее, долго вместе быть не могли. У каждого была своя личная жизнь. Возможно, ей хотелось вырваться из клетки – образа Прекрасной Дамы, и зима 1906-1907 гг. как бы «опутала», «закружила» «каким-то легким хмелем». А. Блок впервые «публично» изменяет жене – это увлечение актрисой Н. Волоховой, вдохновившей его на создание поэмы «Снежная маска». Проявив великодушие к измене мужа, Л. Д. решает и на свою. Ее первым избранником стал Г. Чулков, и Блоку пришлось смириться с этим. Драматизм ситуации отразился в драме «Роза и крест» (прототипы главных героев: А. Блок, Н. Волохова, Г. Чулков и Л. Блок).

Тем не менее, как свидетельствует переписка, духовно Блоки-супруги оставались близки друг другу. Один из следующих романов Л. Д. заканчивается новой драмой (он подробно описан в мемуарах). Л. Д., всегда боявшаяся материнства, забеременела. Поэт решает, что это будет их общий ребенок. Но человек предполагает... Мальчик, названный в честь великого деда Дмитрием, прожил всего неделю. Это событие оставило свой след и в душе матери, и в душе Блока, который готов был признать сына своим. Он пишет стихотворение «На смерть младенца» и до конца жизни посещает маленькую могилку.

После столь нелегкого испытания Блоки уезжают за границу. С 1909-го по 1912 год все шло более или менее мирно. Но впоследствии Л. Д. охарактеризовала этот период двумя словами: «Без жизни». Душевные раны затянулись, и по возвращении в Петербург снова начинается бурная творческая деятельность.

В 1912 году Л. Д. стала инициатором одного очень интересного предприятия. В те годы значительными событиями в культурной жизни российской столицы стали летние театральные сезоны в дачных театрах Петербурга. Наиболее известные дачные театры – это знаменитый Прометей, который находился на границе Оллилы и Куоккалы, и териокское Казино. На сценах этих театров выступали многие известные деятели культуры: М. Горький и М. Андреева, А. Блок и К. Чуковский, Н. Евреинов и В. Мейерхольд, В. Маяковский и Л. Андреев – имена можно перечислять очень долго.

Именно идею создания такого дачного театра в Териоках, где можно было бы свободно и творчески работать, не обременяя себя финансовыми обязательствами, подала Л. Д., а также спонсировала постановки на деньги, полученные от отцовского наследства. Руководителем и главным режиссером Товарищества актеров, музыкантов, писателей и живописцев, в которое входили артисты А. Мгебров, В. Чекан, В. Веригина, Л. Блок, режиссер В. Соловьев, композитор М. Гнесин, художники Н. Сапунов, Н. Кульбин, Ю. Бонди, поэт

М. Кузьмин и другие, был Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Репертуар, с которым выступало Товарищество, был достаточно разнообразным, в нем нашли место и веселые комедии, и серьезные драматические пьесы, концертные номера, пантомимы, чисто экспериментальные постановки молодых режиссеров. Многие из пьес возможно было поставить именно в Териоках, так как в царской России они были запрещены (например, «Виновны – невиновны» известного шведского драматурга Августа Стринберга, одного из самых в те годы популярных в России писателей). Александр Блок считал, что наиболее интересной была игра трех актеров, а именно: Л. Д. Блок, Александра Мгеброва и Виктории Чекан. То, что его жена – актриса, Блоку часто было неприятно, и он не скрывал этого, но в Териоках его мнение об артистических способностях Любови Дмитриевны изменилось. Он отмечал в ней «задатки здоровой работы», хотя и признавал отдельные недостатки.

Вообще, история жизни и творческой деятельности Л. Д. Блок «обросла» до наших дней разнообразными мифами. Первый миф об отношениях Л. Д. с Андреем Белым мы уже описали выше. Второй миф – о том, что Л. Басаргина была посредственной актрисой. Да, она не выступала на больших сценах, не имела больших ролей, ее привлекала гастрольная жизнь и в истории провинциальных театров Л. Д. оставила свой след в числе знаменитых актеров. Но была еще одна причина, которую Л. Д. описывает в своих мемуарах так:

«Вообще безгласности и преувеличенной чистоплотности во мне было гораздо больше, чем то было нужно для успешного прохождения жизненного пути. Я совершенно была не в состоянии пойти навстречу человеку, которому я нравлюсь, если тут могла получиться для меня корысть. Несколько таких случаев, когда я себе сильно вредила: отказывала режиссеру (между прочим, культурному и даже интересному) в том «внимании», которое ему казалось просто даже его «правом» и, как на зло, у него перед носом бросалась навстречу какому-нибудь забулдыге «Петьке», и многое такое... Теперь мне кажется идиотичным, что я не использовала положение Блока для достижения своих целей все из той же безгласности. Правда, и он, как нарочно, ничего не делал, чтобы помочь мне в моем пути и таким образом даже и вредил, так как, конечно, могло вызвать только сильный скептицизм его невмешательство, которое казалось сознательным отстранением вследствие неверия. Но если бы я просила, если бы я объяснила ему, – конечно, он стал бы помогать, это я знаю наверно. И я еще пуще гордилась и пыталась идти одна. Все, чего я в театре добивалась, я добилась сама, безо всякой посторонней поддержки, наоборот, с большим гандикапом подавляющих имен – отца и мужа» [1]. Вот она вся – открытая щедрая натура.

Почему же, читая о Блоке и его жене, его возлюбленной, его музе, образ Любови Дмитриевны вырисовывается столь негативный, дескать, Люба бросила поэта, когда он нуждался в этом, Люба опять пишет в письмах «любовный лепет» (В. Орлов), относится к своей внешности предвзято, увлечение театром – это лишь способ уйти в новый роман и пр. Все это вроде

бы подтверждается документально: письмами, дневниками. И тут возникает естественный вопрос, почему Блок, не терпящий ни фальши, ни лжи, так и не свергнул Л. Д. с пьедестала Прекрасной Дамы, наоборот, все больше нуждался в ней и ценил. Тогда рядом с «Любиным любовным лепетом» должен существовать и «Сашин любовный лепет». Но по отношению к великому поэту так написать невозможно. А вместо этого Блок пишет в своих дневниках: «У меня женщин не 100-200-300 (или больше?), а всего две: одна – Люба, другая – все остальные» (А. Блок). «Все остальные» – это и Волохова, и Дельмас, которая, по словам Л. Д., «победила все травмы и только с ней узнал Блок желанный синтез и той и другой любви», и множество других женщин, любимых поэтом и любивших его.

Бурный роман А. Блока с Л. Дельмас заканчивается быстро – виной этому был отъезд Л. Д. на фронт (шел 1914-й год): «Немногие знают, что когда грянула Первая мировая, когда Блок кричал по телефону Гиппиус, что «война – это прежде всего весело», Люба уже решила идти на фронт. Писала оттуда корреспонденции, которые печатались под рубрикой «Из писем сестры милосердия». И уж совсем удивительно, что Блок посылал ей в действующую армию свежие журналы мод. «Зачем ей там моды?» – изумилась Веригина. На что мать поэта ответила: «Саша знает, что она это любит, – ее немного развлечет»... Потом в армию призвут и Блока. Встретив его в ресторане Царскосельского вокзала (Загородный, 52), Гумилев, уже одетый в военную форму, скажет Ахматовой свою знаменитую фразу: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это все равно что жарить соловьев...».

Взять хотя бы письма Л. Д. с фронта. В. Орлов упоминает, что некоторые из них анонимно опубликовал сам Блок. Разумеется, они представляли некую ценность (хотя многие и были правлены цензурой), иначе, почему Блок вообще сделал это. Почему анонимно? Возможно, Л. Д. не приняла бы открытой помощи. Известна фотография, где Л. Д. Блок – в форме сестры милосердия. Она уехала на войну в одном из первых отрядов и провела в действующей армии девять месяцев. Преимущественно во Львове, в составе госпиталя Кауфмановской общины. Говорят, из нее вышла образцовая сестра милосердия: «Мама, сегодня я, наконец, получил письмо от Любы. Она с трудом нашла свободный час, чтобы написать. Она сидит отрезанная от всего мира в Львовском госпитале, в большой палате, устроенной ей самой. В коридорах в грязи лежали 200 раненых, которых несколько дней мыли и переносили в палаты. Обед – полчаса, 10 минут чай, а потом сестры засыпают как убитые. Люба ничего не знает о войне, только с утра до вечера делает все, что нужно, для раненых...» (А. Блок).

После окончания 1-й мировой войны начинаются глобальные перемены в общественно-политической жизни. Петербург становится новым незнакомым городом Петроградом. Едва успев отметить 300-летие царского дома Романовых в России, монархия перестала существовать. Прекрасных Дам больше нет, равно, как и господ, на смену им приходят «товарищи». Товарищем

и стала для своего мужа Л. Д. В 1918 г. была написана Блоком небезызвестная, а может и роковая поэма «Двенадцать». Многие «товарищи» по перу осудили поэта. Именно Л. Д. первая читала ее публично, именно с этой поэмой она выступала в кабаре «Бродячая собака», организовывала вечера Блока. Когда в разоренной войной и революцией стране шла борьба за выживание, как могла, поддерживала семью, доставала продовольствие, дрова, налаживала быт.

Дважды Прекрасная Дама спасала поэта, но в третий раз не успела, Блок заболел. Его болезнь, больше душевная, чем физическая, прогрессировала. Единственным выходом было увезти поэта за границу. Блок, очевидно, готовясь принять свою судьбу, долгое время отказывался, но и новая власть не давала разрешения на выезд. Именно Л. Д. хлопотала по всем инстанциям, вела переписку с М. Горьким. 7 августа 1921 г., как раз в тот день, когда прибыл заграничный паспорт, великий поэт умер.

С этого момента начинается третий период жизненного пути Л. Д. – вдовы великого поэта. Об этом периоде нам известно менее всего. Зато больше всего мифов. У некоторых даже есть свои авторы. Например, К. И. Чуковский писал, «3 марта 1925 г. Видел недавно Любовь Блок: или она приbedняется, или ей действительно худо. Потертая шубенка, не вставленный зуб, стоит у дверей – среди страшной толчеи, предлагает свои переводы с французского. Вдова одного из знаменитейших русских поэтов, Прекрасная Дама, дочь Менделеева! Я попытаюсь устроить ей какой-нибудь заработок, но думаю, что она переводчица плохая. ... 22 марта 1925 г. Звонила мне вдова Блока – в её голосе слышится отчаяние, она нуждается катастрофически. Что я могу? Чем помогу?».

Или же Э. Лимонов: «Когда Блок уже давно был мертв, в 1928 году какой-то мемуарист, не помню кто, но помню сцену, встретил Любу Менделееву, толстенькую, маленькую женщину с папиросой, в коридоре какого-то учреждения вроде «Потребсоюза» или издательства, она курила. Прекрасная Дама! Любовь Блока, она была в плохих рваных чулках. Боже мой, лучше бы она умерла!»[9].

Неоднократно она спасала и духовно поддерживала Блока, свои деньги, доставшиеся в наследство от великого отца, потратила на развитие театра, ее милосердие помогло сохранить жизнь многим и многим раненым 1-й мировой войны, руки Прекрасной Дамы, как и многих других, пропали с селедкой и гнилой картошкой, которые она чистила для всей семьи в кратких перерывах между выступлениями в тяжелые послереволюционные годы: «Я щедра. Я щедра не только на деньги, но и на свою душу, даже дух. Я всегда щедро разбрасывала себя, отказываясь от того, что считала ценнейшим и, к сожалению, не только для Блока, но для других – часто первых встречных. И не потому, что не ценила в те минуты себя; нет, из вечно присущей мне безразличности к мелочности. Дарить себя по мелочам? Нет, дарить щедро, дарить то, что мне представляется драгоценным» [1]. Ей же помогать никто не собирался – только презрение, только слова: «лучше бы она умерла!».

До смерти свекрови они вместе проживали в той самой квартире, где умер Блок. Болезнь сердца заставила Л. Д. уйти со сцены. Она делала французские переводы и писала воспоминания «И были и небылицы об Александре Блоке и о себе» (1929 г.).

Она свято оберегает память о своем муже. Потому с большой неохотой принимает у себя критиков, историков, искусствоведов и др., пытавшихся писать о Блоке. Наверное, в связи этим главным мемуаристом семьи Блока считается его тетка М. А. Бекетова, которая никому не отказывала в приеме и всегда любила рассказать о гениальном племяннике. После смерти Марии Андреевны в руки Л. Д. попали ее дневники и письма матери Блока, содержание которых потрясло ее до глубины души: «Нет слов, которыми они не поносили бы меня. И некрасива-то, и неразвита, и зла, и пошла, и нечестна, «как мать, да и отец» (это у Александры Андреевны)! Вот до чего доводили одну – явно сквозящая зависть, другую – дикая ревность ко мне. Нормально это? Назвать Менделеева нечестным – это можно только с пеной у рта, в припадке сумасшествия. Всей этой подкладки я не знала, конечно, и от Саши она тщательно скрывалась («Люба удивительная, Люба мудрая, Люба единственная» – вот что для его ушей)». Для Л. Д. же всегда главной была правда отношений. Не надуманная, а действительная. Эта честность, смелость ее характера, душевная прямота во многом мешали ей и в обыденной жизни. Друзей у нее было немного.

На это время приходится ее новое увлечение балетом. С помощью своей подруги А. Вагановой, Л. Д. устраивается преподавать историю балета в Хореографическое училище при Театре оперы и балета им. Кирова – бывшем Мариинском. Пишет вступительную статью к книге Вагановой.

Она переживает вторую молодость, вступает в пору подлинного творческого расцвета. Она работает в одиночку, на свой страх и риск, по собственной программе, исходя из собственного понятия, что такое балет и как надо писать о балете. И за 5 лет, как утверждают искусствоведы, делает больше, чем многие теоретики и историки, писавшие об искусстве танца, за всю жизнь. Оказывается, Л. Д. долгие годы хранила в себе не только литературный, но и исследовательский талант. Историк по образованию (как писалось выше, в юности Л. Д. окончила Бестужевские высшие женские курсы), она исследует историю классического танца и балета, и делает это по-своему, умело соединяя в своей литературной деятельности образность мысли А. Блока и научно-исследовательскую методику гениального отца. Использует при этом в своей работе очень редкий иконографический метод, который до нее практически никто не применял для описания танца. По сути, как отмечали многие, она создает свою «Периодическую систему» – систему балета.

Ее театроведческие работы, статьи по исследованию классического танца, портреты отдельных деятелей балетного искусства (М. Тальони и др.) (напечатанные в 1937-1939 гг.) вместе с рукописью «Возникновение и развитие техники классического танца. Опыт систематизации», также с

сохранившимися страницами для книги о Ш. Дидло, основателе российского балета, были собраны в книгу «Классический балет. История и современность», которая впервые была издана в 1987 г. через 48 лет после ее смерти и была высоко оценена современными искусствоведами: «Скажем так: у нее была сверхзадача. Именно сверхзадача позволила Л. Блок найти в себе поистине сверхчеловеческие силы, в короткий срок овладеть безграничным неосвоенным материалом, в такой же короткий срок осмыслить этот увлекательный, но чужой материал, и преобразовать его в текст, ставший в уровень лучших образцов русской художественно-критической прозы» (В. Гаевский).

И хотя в еще не старой женщине невозможно было узнать блоковскую Прекрасную Даму, на внешности, которую она когда-то так любила и которой гордилась, отпечатались и минувшие страсти, и трагедии, она сохранила бодрость духа и острый менделеевский ум.

Пусть читатель не думает, что Л. Д. вела затворнический образ жизни. Она всегда была окружена молодыми артистами балета, которые часто приходили к ней домой. Квартира, в которой она проживала с теткой Блока, М. А. Бекетовой, была разделена пополам. Из половины, принадлежащей Л. Д., была вынесена почти вся мебель, установлены большие зеркала и балетный станок, нетронутым оставался маленький островок – диван Александра Александровича, портрет Блока работы Г. Гиппиус над ним и шкура на полу... В мемуарах Л. Д. упоминает о своей любимой ученице. Кто она? Доподлинно нам не известно. По некоторым сведениям, это Г. Кириллова, в будущем основавшая свою школу балетного искусства в Киеве, внесшая большой вклад в развитие украинского балета. Наряду с Кирилловой дома Л. Д. занималась с артистами Кировского и Малого оперного театров – Н. Дудинской, В. Чабукиани и другими, ставшими впоследствии известными деятелями советского балета, ревниво опекая их, передавая свои знания, уча и при этом у них же и учась. Ее душа всегда была открыта всему новому и прогрессивному. Из всех известных ей балетных школ, Л. Д. всегда выделяла ленинградскую / петербургскую, считая, что именно за ней будущее балета. Поэтому, изучив написанное ею и о ней, нам кажется, что роль Л. Блок в жизни ленинградского балета 30-х годов, не очень заметная со стороны, была очень существенна.

К сожалению, многим творческим планам Л. Д. не суждено было сбыться.

Есть красивая история, а может миф, будто бы Л. Д. ждала в гости подругу, но почему-то ей, каждый день вспоминавшей мужа, показалось, что за ней придет ее Саша. Раздался звонок в дверь, она пошла открывать, и сердце, так долго болевшее, остановилось.

Грустно. Но еще грустнее другая история.

Несколько десятков лет спустя, советский публицист Нея Зоркая, многие годы изучавшая жизнь и творчество Блока, в одном из своих эссе описывает интервью с людьми, жившими по соседству с поэтом и его женой сначала до его последних дней, а потом и ее.

– Любовь Дмитриевну хоронили тихо-тихо, скромно-скромно, никого народу не было. Не верилось даже, что дочку Менделеева хоронят. Плохо было, несолидно [9].

... я хотела попробовать избрать путь, даже как будто и подсказанный самим Блоком: “свято лгать о прошлом”. ... Комфортабельный путь. Комфортабельно чувствовать себя великодушной и всепрощающей. Слишком комфортабельно. И вовсе не по-блоковски. Это было бы в конце предать его собственное отношение и к жизни и к себе, а по мне – и к правде. Или же нужно подняться на такой предел отрешенности и святости, которых человек может достигнуть лишь в предсмертный свой час или в аналогичной ему подвижнической схиме. Может быть, иногда Блок и подымал меня на такую высоту в своих просветленных строках. ... Может быть, и во мне были возможности такого пути. Но я вступила на другой путь, мужественный, фаустовский. На этом пути если чему я и выучилась у Блока, то это беспощадности в правде. Эту беспощадность в правде я считаю, как он, лучшим даром, который я могу нести своим друзьям.

Л. Д. Блок

Выводы. Авторами статьи сделана попытка глубже понять и раскрыть жизнь и творчество Л. Д. Менделеевой-Блок не как блоковского образа, а как человека, имевшего собственные жизненные принципы и устои, основываясь не столько на отзывах критиков, литературоведов, биографов, сколько на дневниках, письмах, творческом наследии самой Л. Блок. В этой статье рассмотрены три периода – «возраста» ее жизни: детство и юность, замужество, творческая зрелость.

Л. Д. не верила в мистику, в нее верил А. Блок-символист. Но именно мистики говорят, что полное взросление человека происходит в период от 18 до 21 года... И три периода жизни Л. Д., приблизительно равные по своей продолжительности, удивительным образом совпадают с этими цифрами.

Каждый из них характеризует Л. Д. как высокодуховного, творческого, незаурядного человека. Она всегда была на виду, и как дочь великого ученого, и как жена великого поэта, и как самостоятельная творческая личность. Но есть и еще один период жизни человека – период, когда начинают «жить» его творения. Для Л. Д. этот период, наверное, настает только сейчас. В этой статье мы лишь намекаем о нем. Творческое наследие Л. Д. Менделеевой-Блок очень долго пылилось на полках архивов и в частных коллекциях, а теперь оно дает новую жизнь своему автору.

Литература:

1. Блок Л. И были и небылицы об Александре Блоке и о себе. В кн. Две любви, две судьбы Воспоминания о Блоке и Белом. М.: Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000. – 512 с.
2. Блок Л. Д. Классический танец: история и современность. Серия: Русская мысль о балете. М. Искусство. 1987г. 556 с., илл.
3. Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М.: Правда, 1990. – 672 с., илл.
4. Орлов В. Н. Гамаюн: Жизнь Александра Блока. К.: Мыстэцтво, 1989. – 627 с., илл.

5. Александр Блок. Письма к жене. Серия «Литературное наследство». Т. 89. – М.: Наука, 1978 г. – 414 с.
6. Блок А. А. Дневник. Серия «Русские дневники» М.: Сов. Россия, 1989 г. – 512 с.
7. Бестужев (Марлинский) А. ночь на корабле. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1988. – 366 с.
8. Лимонов Э. Священные монстры. М.: Ад Маргинем, 2003. – 320 с.
9. Нея Зоркая. Блок-69. Эссе. «Искусство кино» – № 4, 2008 г.
10. Борис Парамонов. Поэзия и правда секса // Программы Радио Свобода. Русские Вопросы: <http://www.svoboda.org/programs/RQ/1998/RQ.14.asp>
11. Пяст Вл. Встречи. Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. – М.: Новое литературное обозрение, 1997.
12. Новикова Г. П. Внеклассное мероприятие: «В менделеевской гостиной: А.А. Блок и Менделеевы» – Фестиваль «Открытый урок» – Издательский дом «Первое сентября»: <http://festival.1september.ru/articles/>

Надійшла до редакції 19.02.2009